Сквозь огонь великой войны

1975 год останется в нашей памяти как год юбилея Великой Победы. В ушедшем году наша газета посвятила ряд материалов 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. В опубликованных на страницах «Новой жизни» заметках, зарисовках, очерках рассказывалось о быстринцах-фронтовиках, участниках Великой Отечественной войны, о людях, ныне живущих и работающих в нашем районе. Среди них немало коренных жителей района. Но не все они упоминались в списке участников Великой Отечественной войны и боевых действий против империалистической Японии, отмеченных юбилейной медалью. Не у всех сохранились к тому времени необходимые документы, не все об этом своевременно позаботились. Тем более что в Быстринском районе долго не было своего райвоенкомата.

Один из таких «незамеченных» участников войны —Яков Алексеевич Ичанга, ныне пенсионер. В годы войны районная газета, тогда называвшаяся «За колхозную жизнь», опубликовала письмо с фронта уроженца села Тваян Я. А. Ичанги своим землякам (21 января 1944 года). Это письмо воспроизведено в нашей газете 5 мая 1975 года. Упоминания об участии Якова Алексеевича Ичанги в военных действиях можно встретить и в послевоенных номерах районной газеты. Но подробный материал о нем мы публикуем впервые.

ВСТРЕЧА с Яковом Алексеевичем Ичангой состоялась летом 1975 года в местечке Сануч, расположенном на берегу реки Ича. Яков Алексеевич не торопится переселяться в районный центр, куда в основном переехали остальные коренные жители Сануча. Он постоянно живет с женой в тайге. Ему по душе эта размеренная неторопливая жизнь в родных местах, быт без всяких там коммунальных удобств, с минимумом только необходимого для жизни. Правда, есть на Сануче транзисторные радиоприемники, радиостанция «Гроза», связывающие с жизнью района, области, страны и мира. Случается, что прилетают на Сануч вертолеты, но жизнь в тайге, понятно, куда спокойнее, чем в райцентре.

Родился Яков Алексеевич поблизости от Сануча в селе Тваян в 1918 году. С детства попутно учебе в школе работал пастухом в колхозе имени Сталина. В 1935 году был направлен на учебу в совпартшколу в Петропавловск - Камчатский. Окончил ее в июне 1938 года. Немного (до 1939 года) работал заведующим клубом в Эссо. Потом — секретарем сельсовета в селе Кекук. Здесь в 1940 году был призван в ряды Красной Армии. Отсюда берет начало главное в жизни Якова Алексеевича.

Об этих незабываемых годах он рассказывает с неторопливой размеренностью. Коренастый, плотный, крепкий — не подумаешь, что ему под шестьдесят и он уже пенсионер, Яков Алексеевич говорит о том, что довелось пережить ему, заряжающему 1317 зенитно - артиллерийского полка, как о чем-то будничном, малозначительном, хотя попал на фронт в разгар битвы на Орловско-Курской дуге — великого перелома в ходе войны, в августе 1943 года участвовал в освобождении Орла.

— Наш полк, — рассказывал Яков Алексеевич, — обычно находился за передовой, но в непосредственной близости, так что передко попадал под огонь. Обычно как обедать, так обстрел. Боялись ли? Сказать честно, некоторые боялись, не выдерживали, прятались в щели, бросив обед. По-человечески все боялись, но большинство этого не показывало. Чем опаснее было, тем менее это чувствовалось, а часто и вовсе забывалось.

Однажды между Мозырем и Витебском хотели сократить дорогу и... подорвались на мине. Товарища убило, а меня контузило, повредило спину. Обидно, что солдаты гибли и без боя, за линией фронта. На войне всякое бывало... Но доводилось нам участвовать в серьезных боях, оказывать поддержку наступающим частям, не зря проливать кровь.

Находились мы в апреле 1944 года на резервной позиции под Рогачевом, название деревушки не помню. Видно, не зря находились. Да и не одни мы, артиллерийско - зенитный полк. Вели заградительный артогонь. Фашисты нас бомбили. Однажды пикирующие бомбардировщики — «юнкерсы» — налетели тучей. И — завели над нами чертов хоровод. Завязался продолжительный бой. Кругом грохот, дым, визг бомб, свист осколков. Работаешь, забыв обо всем, кроме команд. Кроме то и дело открывающегося канала ствола, куда подаю снаряд за снарядом, ничего не вижу, но все же успел заметить: каждый «юнкерс» сбрасывает по три бомбы — не больше и не меньше. Мы ожесточились — были потери. Отстреливались и сбивали фашистские самолеты (потом я узнал, что в тот день из 47 налетевших на нас немецких самолетов было сбито 37). И вдруг команда: «Все — в блиндаж!». Машинально повиновался. Только успел заскочить — взрыв, прямое попадание. Меня отбросило.

Месяц лежал в медсанбате, ничего не слышал. Увезли в Москву, где лежал до конца августа 1944 года. Там мне сказали: «Поедешь домой, отдохнешь, вернешься — ведь война еще не кончена».

Но воевать больше не пришлось.

В Петропавловск приехал в октябре, на пароходе добрался до Усть-Камчатска — самолеты до Эссо тогда не летали. Последним катером добрался до Крапивной. В Крапивной встретил Александра Васильевича Тылканова, с которым вместе учились в совпартшколе. У него взял лошадь — и в Эссо. Тогда это было обычное дело, ездили от Крапивной только на лошадях. Далее уже на оленях — до Тваяна.

Потом я узнаю, что в послевоенные годы работал Яков Алексеевич в колхозе заведующим хозяйством, работал и в Лаучане, в последнее время — на Толбачикской культбазе.

Я невольно думаю: в том, что мирное небо над родным Санучем, что на берегу Ичи (да и сама река родственна фамилии Ичанга), мирное небо над Орлом и белорусским Рогачевом, над всей нашей Родиной, что от Крапивной ходят автомашины, а в Эссо летят самолеты и вертолеты опускаются в тундре, — во всем этом и частица его жизни, его крови, доля мужества бывшего заряжающего зенитного орудия, Якова Алексеевича Ичанги, отстаивавшего это мирное небо в жестоких боях с фашизмом.

М. БОЯРКИН.